

Кудальтура
1998. - 16 -
22 июля - с. 12

Пять режиссерских тетрадей

Андрей Гончаров. "Мои театральные пристрастия"

Зрители идут к Гончарову, студенты учатся у Гончарова, прохожие оглядываются на Гончарова. Кажется, промежуток между театром и институтом можно назвать улицей Гончарова: он необходим пространству, пространство — ему. Театром Гончаров руководит тридцать лет, в институте учится с тридцатых годов, оттуда уходит на фронт, вернувшись — преподает режиссуру.

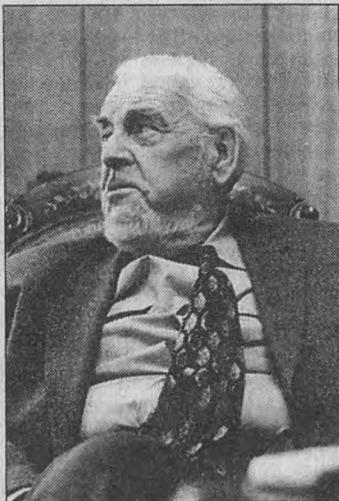

Фото Н. САМОЙЛОВА

Невдалеке от его театра — высокое здание, в свое время целиком отданное издательству "Искусство". Сейчас бесчисленные кабинеты заняты всевозможными ТОО, издательство же ютится, однако живет. Свидетельство жизни, не утерянной культуры — двухтомник Гончарова: строгое черно-белое пространство, шрифты, отбор фотографий, словно продолжение спектаклей, ежевечерне идущих тут, за изгибом переулочка. Продолжение и возвращение к ним в анализе, в своей биографии, во времени, в которое вписалась биография. Даты своей восьмидесятилетней жизни, перечень поставленных спектаклей — 60. Название "Мои театральные пристрастия" может показаться невыразительным в наши дни броской плакатности, однако название на редкость точно. "Мои", то есть личные, гончаровские, можете не соглашаться, "Театральные" — а какие же еще? — "Пристрастия". От корня — "страсти". Корень, как ему положено, — в глубине, о страстях пусть говорят зрители, расходясь из театра. Режиссер обучает студентов пристрастиям во всей их множественности, во всей ответственнос-

ти. Название первой книги — "Поиски выразительности", второй — "Выразительность в поиске"; в них собрано написанное, сказанное, опубликованное, новое. Бывает так, что собранное воедино — меньше первоначального: в газетах, в сборниках были такие заманчивые фрагменты, книга — по-жиже. "Пристрастия" едины при всей свободе литературной композиции, в которой необходимы возвраты к людям, к своим и чужим опытам: все в движении, в сцеплении, все ответственны друг перед другом. "Пять тетрадей", из которых состоит двухтомник, — литература истинная, крепкая, без "континуумов" или "ипостасей". В присутствии множества лиц — сплетение старшего поколения, ровесников, младших. Автор образно-немногословен, воссоздает не монументальность — текучесть, портреты дает быстрые, штриховые: мать-актриса, ее детская театральная студия, в которой семилетний "студиец" встретил пятилетнюю "студийку" Верочку Жуковскую — на всю жизнь; штрихи — довоенный ГИТИС, молодой преподаватель Горчаков, декан — Сахновский, который говорит о

своей должности: "Декан — личное загадочное. Его ищут, а его — нет"; фронт, госпиталь — Наташа Качуевская, выходящая в госпитале одноклассника. Вот лицо ее на фотографии, девушка из "Зорь тихих", а улицу Наташи Качуевской сегодня, как многие, "исторически" переименовали.

Память Гончарова благодарна, от нее — сохранность лица театра, своего собственного лица при всеобщей смене масок. Театру сохранено имя Маяковского, в нем живет память охлопковской "Молодой гвардии", память Театра Революции, в котором царила молодая Бабанова, выведенная на сцену Мейерхольдом.

Единожды был на репетиции Станиславского — а куда от него уйдешь? Куда от Попова? Познаниям Гончарова в области изобразительного искусства или музыки любой доктор искусствоведения позавидует. Познание — не то, что называется "эрудацией", но образ эпохи, ее ритм, колорит, слова. Гончаров пересекается то с предшественниками, то с современниками, с Лесковым, с Радзинским, с младшими — Эфросом, Женювачем, с "Кнебелью", как неизменно называл ее тогдашний директор ГИТИСа. "Действенному анализу" Кнебель — Эфроса отдается должное, тут же Гончаров пристрастно спорит с ними, предлагает "действенный синтез", важный для его режиссерских тетрадей, для реальных сценических построений.

Были легкие, истинно комедийные спектакли самых тяжелых лет: "Вас вызывает Таймыр", "Женихи" осветина Токаева в соавторстве со Шкваркиным — Театр сатиры, идиллия дружбы русско-кавказской, вроде свиарки-пастуха. Были вовсе не комедийные, обращенные к развитию единого человеческого характера опыты в Малом театре. Истинный "узел" в дороге — "Вид с моста" Артура Миллера на дальней Спартаковской улице. В типично районном мос-

ковском театре — вид с моста на район нью-йоркский. На Америку, тогда недостижимую. Обнаженность сцены, конструкция моста, одновременно — полет и безысходность, спаянность актерских решений с режиссурой, единство ритма... Все это продлилось в "Беге" Ермоловского театра. Пристрастие — сны, безысходный, Хлудов — Соловьев. Были потом многие "Бега" — словно скачки, будет и у Гончарова новый спектакль — а тот, ермоловский, еле разрешенный, словно старт дальнейшему.

Чем дальше, тем важнее (в то же время полемичнее) анализ или "действенный синтез" собственных отношений с классикой. С тем, что скупо называется "исторической тематикой", всегда существуя "на подмостках, в шиллеровской ли "Марии Стюарт" — поединке мхатовских королев-актрис, или в "моноспектакле" Дорониной, с которой так плодотворно сотрудничал-боролся Гончаров. Потом королевы "раздвоились", страсть-борьба осталась. Она же

определила, уже в вариантах комедийных, гончаровского Островского, "Детей Ванюшина". Она определяет отношения Гончарова с прозой. Впрочем, повествование Лескова о леди Макбет Мценского уезда стало таким явлением театра драматического и музыкального, что, кажется, Катерину Львовну играли во времена Островского. Гончаров имеет право и отстаивает его в своем кустодиевском расписном, стиснутом забором и открытом на всю Россию спектакле. Вскоре за трагедией "Мценского уезда", он обратится к громаде горьковского "Клима Самгина". Сам спектакль представляется недооцененным в его цельности, в лобановской верности тому времени модерна, конца века — начала века, преддверья революции. Спектакль состоялся в году 81-м, когда Горького изучали, славили, а "Несвоевременные мысли" по запрету были равны самиздату. Когда имена Шмелева, Бориса Зайцева, Осоргина ничего не говорили даже студентам-филологам,

не говоря уж о студийцах театральных. Читаем сегодня Гончарова о "Самгине": тут Бунин, Амфитеатров, Русь московская, Русь уездная. Чем Горький жил, что сегодня то ли возрождается, то ли рушится. "А был ли мальчик?"...

В защите своих учеников, в своих полемиках Гончаров открыто пристрастен, достаточно часто хочется-может с ним поспорить. Как спрята собравшиеся на заседание гитисовской кафедры в 1982 году. Зав. кафедрой режиссуры Гончаров ведет обсуждение учебной программы. Высказываются: Буткевич, Голубовский, Эфрос, Зверева, Судадкова, Ремез, Захаров, Фоменко, Хейфец. Иных уж нет, а те далеки. В книге эта стенограмма необходима. И в театре. Как опыт Фоменко, Някросюса, Яшина, Анатолия Васильева, Андреева, Мамбетова. Все ученики, прошедшие улицей Гончарова, имеющие право на споры, на расхождения и реальные уходы. С возвратами. Из театра не уходит.

Елена ПОЛЯКОВА

Фото ИТАР — ТАСС